

АЛЕКСЕЙ РУСАНОВ

A full-body illustration of a character with a wolf's head and human-like body. The character has dark fur, pointed ears, and a wide, toothy grin showing sharp teeth. It is wearing dark blue overalls over a black long-sleeved shirt and black gloves. The character stands in a doorway, looking towards the viewer. The background is a dimly lit industrial interior with metal structures and pipes.

СТРАННАЯ
СКАЗКА
ТОМ 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Русанов
Странная сказка. Том 1
Серия «Странная сказка», книга 1

<https://litres.ru/73773506>

SelfPub; 2026

Аннотация

Потеряв комфортную работу в офисе, Кирилл устраивается на склад и узнаёт, что его коллеги оборотни. Спасаясь от них, он находит убежище у служителя древнего прусского культа и оказывается втянут в игры тех, кто прячется среди людей.

Вилктаки, кауки и раганы не персонажи забытых легенд, а сущности, живущие рядом. Кто-то уже вмешался в его судьбу: лишил удачи и пробудил дар, которого он не просил. Чтобы вернуть свою жизнь, Кириллу придётся шагнуть в иную реальность и разобраться, кто и по каким правилам ведёт игру.

События романа происходят в слегка альтернативной России. Конкретная локация - город Кёнигсберг и его окрестности. Поэтому все фантастические персонажи - из местного балтского фольклора и мифологии.

Содержание

Глава 1. Крышечка, ау?!	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Странная сказка. Том 1

Глава 1. Крышечка, ау?!

Не дай мне Бог сойти с ума.

Нет, легче посох и сума;

Нет, легче труд и глад.

Пушкин

Одно движение локтя, и мой контейнер с обедом кувыркнулся через край стола и, перевернувшись в полёте, сочно шлёпнулся на пол. Заботливо сложенные мамой макарошки, котлетка и огурчики разлетелись по зашморганному до черноты линолеуму.

— Ох, ёпт! — Серый сделал вид, что это произошло случайно.

— Чё, Глиста, пообедал? — пробасил Мамонт и заржал. Шамок тоже оскалился и подобострастно захихикал. Я почувствовал, что меня опять накрывает: в разинутых гогочущих пастьях вместо человеческих зубов померещились звериные клыки, у Серого радужка расплылась на весь глаз и пожелтела. Я поскорее опустил взгляд.

— Ну хули ты на самый край поставил? — с наездом обратился ко мне Серый. — Сам виноват, мля. Давай убирай теперь, ёпт!

Ситуация была насквозь прозрачна. Каждый день все ра-

ботники нашей бригады дружно обедали одинаковыми тошнотными досираками. А тут я вздумал выделиться и поставил у них перед носом контейнер с аппетитной домашней едой (заскочил вчера проведать маму). Поэтому Серый и скинул мой ужин — не из вредности, не чтобы поглумиться и унижить меня. Просто позавидовал. Действительно, я сам виноват: надо было поесть одному, до или после них.

— Чё застыл, ёпт? Убирай, на!

И я бы, вероятно, простил Серого, присел на корточки и принялся покорно всё убирать, если бы это была покупная еда, а не мамина. «Вот, сынок, возьми, покушай домашнего. Сто лет, небось, не ел». Столько любви, столько тепла и нежности было в её голосе, в простом жесте рук, протягивающих мне пластиковый контейнер с девчачье-розовой крышкой. И поэтому я ответил Серому:

— Нет.

Я редко говорю людям это слово. Мне трудно отказывать кому-либо, неприятно спорить, конфликтовать. Но сейчас я вдруг ощутил, что всему есть предел, и моей уступчивости тоже.

— Чё?

Наверное, он впервые за две недели нашей совместной работы услышал от меня это слово.

— Нет, — повторил я, и мой голос стал наливаясь едва сдерживаемой злостью. — Я не буду убирать.

— А кто, мля, чистоту наводит будет?

— Ты рассыпал, ты и убирай.

Он подскочил с продавленного дивана.

— Ты, чё, Глиста, думаешь, ты тут один — человек, а мы

— говно под ногами? Решил, я на тебя шестерить буду?

С лиц Мамонта и Шамка сползли ухмылки. Даже до них дошло, что вот-вот полыхнёт серьёзный конфликт. И тут я зачем-то — сам не знаю зачем — ухнул в этот костёр ведро бензина:

— Ну на Бугра ведь шестеришь.

Это была чистая правда. Но, как известно, правда ранит больше любого вранья. Так и произошло сейчас с Серым. Его неандертальскую рожу перекосило от гнева, глаза выкатились, ноздри раздулись и...

И тут приключилось такое, чего со мной ещё не случалось никогда.

Острая мигрень сдавила голову стальным обручем. Всё вокруг вдруг поблёлкло и замедлилось, словно подвисяющее видео. Серый заторможенно двинулся ко мне, задев бедром лениво поехавший по полу стол, левой рукой сгрёб меня за рубашку на груди, а правая, всё больше замедляясь, поднялась над плечом, отъехала чуть назад, пальцы словно нехотя сложились в кулак, который медленно-медленно, будто преодолевая сопротивление, поехал точно мне в нос. Я, не понимая, что происходит, застыл на месте, кулак благополучно достиг своей цели и встретился с моим носом, решительно расплющивая его, с отвратительным хрустом ломая хрящи.

Боль полыхнула огненной вспышкой, я моргнул, и всё исчезло. А когда я открыл глаза, оказалось, что Серый находится в исходной точке — между столом и диваном.

И опять он так же заторможенно попёр на меня, опять заграбастал рубашку, опять поднял руку для удара. Но поскольку двигался он, как будто находясь глубоко под водой, я спокойно шагнул в сторону, уклоняясь. Кулак проплыл мимо и врезался в облупленную дверцу холодильника у меня за спиной. На дверце осталась внушительная вмятина, а Серый взвыл от боли замедленным густым голосом. Я моргнул и опять обнаружил его в нескольких шагах от меня, между столом и диваном.

Он ринулся на меня в третий раз. Но теперь реальность перестала быть болезненно-бледной, и Серый двигался с нормальной скоростью. Поэтому я сам не поверил, когда дёрнулся в сторону и всё-таки успел уклониться от удара, который, несомненно, сломал бы мне нос. Это произошло только потому, что секунду назад я отработал это движение на замедленной скорости. А когда здоровенный кулак Серого гулко бумкнул по холодильнику, я на секунду ощутил странную радость приятного совпадения. Такое же чувство бывает, когда вставляешь деталь в пазл и она идеально встаёт на место.

Только вот радовался я недолго. Серый, матерясь и подывая от боли, тряся разбитой в кровь кистью, не отпустил мою рубашку. Наоборот, он сначала рванул её на себя так, что я

потерял равновесие, а потом толкнул меня в грудь. Толчок был настолько сильным, что я лишь беспомощно взмахнул руками и грохнулся плашмя, звонко приложившись затылком об пол. От удара в голове зазвенело.

— Ну всё, мля! — заорал Серый. — Хана тебе, Глиста!

Через секунду я повернул голову вбок и увидел перед лицом чёрные ботинки Серого, огромные, грязные, на толстой рифлёной подошве. Я успел подумать, что сейчас они начнут крушить мне кости, и попытался прикрыть локтями лицо и голову. Но в этот момент лязгнула входная дверь и раздался жёсткий голос Бугра:

— Что за хрень у вас тут?

Ну ни пера себе! Наконец-то мне повезло! Впервые за эти жуткие дни, возможно, самые кошмарные во всей моей жизни — фартануло! Бригадир вошёл в столовку в самый нужный момент. Я повернулся к двери, собираясь облегчённо выдохнуть, но вместо этого чуть не заорал от ужаса. В дверном проёме стоял Анатолий Багров (он же Бугор), и у него над плечами торчала не человеческая, а волчья голова. Зверина пасть раскрылась, и из неё раздался обычный голос:

— Что за хрень, я вас спрашиваю?

Я зажмурился, а когда осторожно открыл глаза, увидел привычную костистую физиономию Бугра, его наголо обритый синеватый череп, косой шрам через весь лоб. Надо мной раздался сдавленно-сиплый голос Серого:

— Да вот, салабон малясь берега попутал. Поучить надо

слегонца.

Переносицу Бугра прорезала недовольная вертикальная складка, серо-стальные глаза хищно прищурились.

— А ты кто такой, чтобы его учить? Ты что ли главный здесь?

— Да я не... — замялся Серый. — Я только это... Ну, типа по-дружески...

Я осторожно поднялся и сел. Затылок ныл, в ушах звенело, перед глазами всё слегка плыло.

— По-дружески ты знаешь что можешь сделать? — спросил Бугор и, не дожидаясь ответа, предложил весьма затейливый и крайне неприличный вариант, от которого Серый хмуро потупился, а Мамонт и Шамок загоготали.

Я медленно встал на ноги и стал отряхивать прилипшие к штанам макароны. Бугор заметил мой разбросанный по полу обед и рявкнул:

— Что за свинарник тут устроили?

Я быстро наябедничал:

— Это Сергей рассыпал.

— Серый, убрать!

— А чё я? — попытался возмутиться Серый, но Бугор моментально погасил искру бунта. Он, хотя и был на полголовы ниже орясины Серого, как-то умудрился взглянуть на него сверху вниз и процедил сквозь зубы:

— Боец Серый! Приказы не обсуждают — приказы выполняют!

Тон его был такой, что даже у меня по спине забежали невидимые муравьи. Поэтому Серый, хотя и с показным нежеланием, опустил на корточки, поднял мой многострадальный контейнер и стал руками кидать в него макароны. Бугор возвышался над ним, внимательно наблюдая.

— Ты бы за веником сгонзал, Серый, — подал голос Шамок. — Шустрее бы пошло!

— Да он не умеет веником, — ухмыльнулся Мамонт. — Не знает, за какой конец браться.

Бугор резко повернулся в их сторону.

— Вот ты и метнись за веником, Шамок, — сказал он, а потом обратился к Мамонту. — А ты — научишь братья за правильный конец, раз такой знаток концов. На личном примере.

Мои коллеги по бригаде тут же посмурили, но возражать Бугру не решились. Я же воспользовался моментом и храбро удрал из столовки. Их игры в «кто тут вожак стаи» меня мало интересовали. И без них было о чём беспокоиться: мои галлюцинации явно усиливались.

Вот это было по-настоящему страшно. Когда у людей мерещатся то волчьи клыки, то глаза, то целые головы, такое уже сложно списать на переутомление и стресс. Это даже не тревожный звоночек — это звонок, нет — целый колокол, в который изо всех сил колотит припадочный звонарь. А видение, в котором замедленный Серый то ломает мне нос, то промахивается? Что со мной творится вообще? Крышечка,

ты куда, ау?!

Первые пугающие симптомы появились, когда случился мой служебный крах, моё карьерное Ватерлоо. На которое сверху наложился ещё и отказ Регины, её еле сдерживаемая насмешка. В тот день я непривычно рано брёл от офиса к остановке, чувствуя себя человеком, который несколько лет строил дом, и вот уже почти всё было готово — только обои поклеить да розетки вставить, — а потом вдруг всё сгорело дотла, остались лишь дымящиеся руины. Невидящими глазами я скользил по лицам прохожих, и у некоторых они начинали странно плыть, искажаться, превращаться в жуткие образины. Вспухали прыщи и бородавки, носы съезжали на бок, из-под губ высывались жёлтые клыки. Можно было подумать, будто Хэллоуин наступил раньше срока и загримированные люди вышли на улицу. Но стоило мне пристальнее взглянуть в лицо, как наваждение проходило, всё выравнивалось и вставало на положенные места. Тогда я объяснил это себе забавной побочкой от общего потрясения.

Уже на следующий день всё прошло, кроме чувства тотального опустошения. Когда я пришёл в отдел кадров за трудовой, буквально захлёбываясь в море отчаяния и депрессии, мне неожиданно кинула спасательный круг эйчар Настя Созонова, полноватая тихая девушка, носившая иссиня-чёрное каре, которое совсем не шло её круглому лицу. Внимательно изучив приказ о моём увольнении, она вдруг спросила:

— Ты уходишь куда-то в другую компанию?

Я попытался натянуть бодрую улыбку и ответил:

— Нет. Ухожу в никуда.

— Что так? — спросила Настя, и по голосу чувствовалось, что ей действительно не пофиг.

— Долго излагать, — вздохнул я.

Мне совсем не хотелось рассказывать о своём фиаско и беречь рану, на которой ещё только-только начала подсыхать свежая корочка.

Настя поковырялась в компьютере и, извинившись, «обрадовала» меня известием о том, что расчёта не будет. Наоборот, я, оказывается, ещё должен родному холдингу двенадцать тыщ с хвостиком за отгулянный отпуск. Без возврата денег я не смогу получить трудовую.

Мне очень хотелось взять её монитор и ахнуть об стену. Но пришлось молча сходить к банкомату, снять деньги и положить на Настин стол тринадцать тысяч. Это было ровно на тысячу меньше, чем весь мой капитал.

— Хотел бы сказать «сдачи не надо», но не могу. Мне как безработному даже эта сумма теперь не лишняя.

— Да-да, конечно, — Настя подорвалась, побежала в бухгалтерию разменивать деньги и, тщательно пересчитав, отдала мне сдачу.

— Ну хотя бы неделю протяну, — сказал я, сгребая со стола мелочь. — На черном хлебе и досираках.

— Кирилл, а тебе работа сильно нужна? — поинтересо-

валась Настя.

— А ты сама как думаешь?

— Просто у нас в логистическом центре требуются комплектовщики, — извиняющимся тоном заговорила она. — Работа там... ну... тяжёлая, физическая. Тебе, наверное, не подойдёт? Но зато там выплаты после каждой смены, сразу на карту.

Это мне-то не подойдёт? С кредитом, с алиментами и с моей съёмной конурой? Но я сначала поинтересовался:

— И сколько за смену платят?

— Две триста за дневную. Две пятьсот — в ночь. График день через день.

— А сколько часов смена?

— Двенадцать.

Мда... Это, конечно, не было работой мечты. Но вчера вечером я поизучал актуальные вакансии, и такую тоску они на меня нагнали, такое ощущение безнадёжности... Словом, я согласился и в тот же вечер автобус с красивым номером «100» привёз меня в посёлок Началово, где располагалось моё новое место работы.

Это оказался невероятного размера ангар с бесконечными многоэтажными стеллажами, загруженными строительной и околостроительной хреню. Над входом нескромного размера вывеска гласила «Кёнигсбергский логистический центр». Над ней светился неонов до боли знакомый бело-жёлтый логотип, похожий на разбитое яйцо с вылезающим из него цып-

лёнком.

Начальник смены, пожилой и одышливый дядька с огромными тёмными кругами под глазами (позже я узнал, что его кличка — «Панда») поглядел на меня и вздохнул.

— У нас тут это... — сказал он, — тяжести таскать надо. Нам пассажиры, которые это... буи пинают, не нужны. Ты потянешь?

— Я худой, но жилистый.

Это была моя стандартная отговорка для всех, кто сомневается в моих физических данных. Всю жизнь я был длинный и тощий, всю жизнь меня постоянно пытались этим стебать. Мужик что-то посмотрел в компьютере и вздохнул ещё тяжелее.

— Не волнуйтесь, я справлюсь, — добавил я, думая, что он не верит в мою выносливость.

— Да я не это... В бригаду ты попадаешь к Багрову, — сказал он и аж скривился, будто уксусу хлебнул.

— И что?

— Да это... Так себе бригада, если честно. Боюсь, сожрут они тебя.

Совсем скоро я познакомился с теми, с кем мне предстояло вместе работать. И довольно быстро понял, что имел в виду начальник смены.

Бугор, наш бригадир, на первый взгляд показался вполне заурядным: среднего роста, шуплый, бритоголовый пролетарий лет сорока. Разве что шрам на лбу привлекал внимание.

— Запойный? — задал он мне единственный вопрос.

— Нет, — удивился я. — Вообще практически не пью.

— Норм, — кивнул он и добавил:

— На складе всегда каску носи.

И уже тогда, при первом взгляде на него, мне померещилось — клянусь! именно так оно и было! — какое-то волчье выражение в его серых глазах. Но тогда это был не глюк. Просто он производил такое впечатление. Веяло от него чем-то хищным, звериным.

Совсем другой образ приходил на ум после знакомства с его подчинёнными. Эти трое больше напоминали уличных псов, вечно лающих на всех вокруг и грызущихся между собой. Внутренняя собачья суть была у всех одна, хотя внешне они были очень разные. Флегматичный здоровяк Мамонт, с выпуклым лбом и засаленными патлами, шириной был как два меня, постоянно что-то жевал и очень любил похабные шуточки. Его, словно туча, окружал неистребимый запах пота. Всегда злой и дёрганный Серый был всего на полголовы ниже, чем я. При первом знакомстве он демонстративно оглядел меня от носков кроссовок до макушки и выдал вердикт:

— Хренасе ты длинный! Длинный, но тощий, как глиста. Во! Глиста и будешь!

С того момента прилипла ко мне эта мерзкая кличка.

Ну а Шамок сразу же захихикал над выдающимся остроумием Серого и первым стал меня так называть. Если есть

переселение душ, то ближайшая реинкарнация Шамка — уж не знаю, прошлая или будущая — это шакал Табаки.

От всех трёх исходило ощущение опасности, особенно от Серого. Однажды он разозлился на голубя, который залетел на склад и имел неосторожность обгадить Серого. Полдня он шастал между стеллажами, выслеживая несчастную птицу, как-то исхитрился её подбить, поймать и в конце концов свернул голубю голову.

Ни подружиться, ни хоть как-то сблизиться с этой троицей мне не удалось. Как масло не смешивается с водой, так и мы всё время оставались отдельно: они сами по себе, я сам по себе. К тому же характер работы не оставлял много времени на общение.

Оказалось, комплектовщик — это весьма одинокое занятие. В начале смены я получал бесконечно длинный список заказов и отправлялся собирать их. Так называемый человек разумный по имени Кирилл Никаноров (для коллег — Глиста) бродил по монотонным рядам стеллажей, тянул за собой рохлю (оказывается, это не обзывательство, а вид тележки), нагружал на палету банки с краской, упаковки плитки, коробки с шурупами, бутылки растворителя и тому подобную потебню. Когда гора предметов уже грозила обрушиться, я отвозил её, куда надо, и начинал загружать новую.

В общем, тупая механическая работа, с которой великолепно мог бы справиться робот. Но делать и программировать роботов — это сложно и дорого. Поэтому за смешные

деньги её выполняли мы, человекообразные комплектовщики. Первое время мне было тяжело — и физически, и морально. На ладонях быстро вспухали мозоли, после каждой смены ныли плечи и поясница. Ну и перебраться из уютного кресла офисного клерка на склад стройматериалов, сменить костюм с галстуком на пролетарский комбинезон и неудобную натирающую каску... Это было неприятно, обидно, я чувствовал себя человеком, рухнувшим на социальное дно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.